

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ССЫЛЬНЫХ УРОЖЕНЦЕВ БЕЛАРУСИ В СИБИРИ (1863–1883 ГГ.)

Е. В. Серак

Белорусский государственный медицинский университет,
г. Минск, Республика Беларусь

Раскрываются механизмы управления центральными органами власти и местной администрацией по обустройству ссыльных в местах их пребывания. На всех этапах включения ссыльных в сибирский социум определяющими были управленческие решения правительства Российской империи. В то же время сибирская администрация ориентировалась на реальные возможности, самостоятельно разрабатывая отдельные направления, среди которых формирование принципов расселения и регулирование этим процессом с учетом особенностей региона, организация и контроль за выдачей пособий, а также регламентация процедуры передвижения ссыльных.

Ключевые слова: ссылка в Сибирь, уроженцы Беларуси, участники восстания 1863–1864 гг., компактная и дисперсная форма расселения, предоставление пособия, ссуды и земельных участков, управление процессом адаптации.

STATE REGULATION OF THE LIFE SUPPORT SYSTEM OF THE EXILED BELARUS NATIVES IN SIBERIA (1863–1883)

E. V. Serak

Belarus State Medical University, Minsk, The Republic of Belarus

We have revealed management mechanisms of central authorities and local administration on provision of necessary facilities for exiles in their locations. Managerial decisions of the Russian Empire government were defining at all stages during the accessing of the exiles into the Siberian society. At the same time, the Siberian administration was focused on the real possibilities and on independent development of their own separate directions. Some of those directions were: the formulation of the settlement principles and regulation of this process, taking into consideration peculiarities of the region; organization and control for the issuance of allowances; regulation of movement of exiles.

Keywords: exile in Siberia, Belarus natives, the participants of the uprising 1863–1864, compact and dispersed form of settlement, the provision of allowances, loans and land areas, managing the process of adaptation.

Массовая ссылка участников восстания 1863–1864 гг. из белорусско-литовских губерний в Сибирь потребовала от центральных органов власти Российской империи и местного управления проведения мероприятий по обустройству ссыльных в местах их пребывания. Государственные органы власти сосредоточились на решении ряда проблем в системе жизнеобеспечения ссыльных, среди которых формирование принципов расселения

и регулирование этим процессом с учетом особенностей региона, организация и контроль за выдачей пособий, а также регламентация процедуры передвижения ссыльных.

На начальном этапе ссылки главной задачей сибирской администрации стало устройство прибывающих участников восстания 1863–1864 гг. В основу деятельности губернской администрации были положены «Правила по устройству быта политических ссыль-

ных, сосланных в Восточную Сибирь из Царства Польского и Западных губерний» [1, С. 117]. Разработаны они генерал-губернатором Восточной Сибири М.С. Корсаковым и утверждены Комитетом Министров 27 мая 1865 г. [2, С. 58]. В процессе расселения было рекомендовано следовать следующим принципам, при наличии мест необходимо учитывать род занятий переселенцев; для молодых людей, не имеющих профессиональных навыков, назначить «места более многолюдные, населенные лицами, занимающимися торговлей или другой в этом роде промышленностью» [3, С. 11]. Для земледельцев определялись «местности, наиболее изобилующие земельными угодьями и удобные для хлебопашества» [3, С. 11]. Тем же ссыльным, кто не был приспособлен к сельскохозяйственным работам, позволить переезды и временное проживание в городах с сохранением за ними гласного надзора.

В Западной Сибири нормативно-правовая инициатива также исходила от губернаторов. Их деятельность была непосредственно направлена на эффективное решение проблемы обустройства ссыльных участников восстания 1863–1864 гг. При этом сибирская администрация в большей степени ориентировалась на реальные возможности губернии и в меньшей степени на установки центральных властей в решении таких вопросов, как расселение, наделение ссыльных пособием, предоставление ссуды и земельных участков [4, С. 44]. В сентябре 1865 г. тобольский губернатор А.И. Деспот-Зенович представил генерал-губернатору Западной Сибири и министру внутренних дел записку об устройстве быта политических ссыльных в Западной Сибири. В первую очередь он указал на необходимость создать условия для интеграции ссыльных в сибирское общество. Для этого предлагалось увеличить пособие, смягчить надзор, а также не препятствовать удовлетворению их культурных и религиозных потребностей. Губернатор предлагал ввести практику возвращения на прежнее место жительства для наименее способных к адаптации ссыльных, а именно женщин, детей и лиц преклонного возраста. Были предложены мероприятия, позволяющие облегчить поиск ссыльными работы, разрешить им отлучки из мест причисления, позволить пользоваться правом собственности без всяких ограничений [5, С. 34]. Мероприятия, направленные на смягчение режима ссылки в Западной Сибири, изложенные в записке А.И. Деспот-Зеновича, также разделял западно-

сибирский генерал-губернатор А.О. Дюгамель [5, С. 35].

Степень замкнутости или открытости общества ссыльных для контактов с местным населением зависела от типа поселения: компактного или дисперсного. Так, компактное проживание ссыльных давало возможность не только непосредственной помощи друг другу и общения, но и обмена опытом и практическими навыками выживания в новой среде. Как правило, ссыльные сами искали себе место проживания, хотя начальник полиции был обязан по прибытии ссыльного в город предложить ему жилье, соответствующее его званию и положению. Часто на одной квартире расселялось до 10 и более человек [6, С. 82]. Компактное проживание ссыльных было вызвано их бедностью и высокой стоимостью аренды квартир. Неслучайно большими группами селились, в основном, ссыльные, не имевшие источников заработка. Даже в случае, если им удавалось получить место, практика совместного проживания сохранялась. Лишь когда финансовое состояние ссыльных достигало определенной стабильности, они расселялись в отдельных, более удобных и дорогих квартирах. В 1870 г. практика коллективного проживания фактически прекращается. Частичное возобновление этой тенденции приходится на середину 70-х гг. XIX в., что связано с притоком в города ссыльных из Восточной Сибири.

Другой причиной компактного проживания ссыльных, действовавшей на протяжении всего периода ссылки, было совмещение массового обеспечения ссыльных как работой, так и жильем одновременно. Большие коллективы ссыльных проживали и работали у омского купца, владельца винокурного завода И.В. Кузнецова, на складах и водочном заводе действительного статского советника А.Ф. Поклевского-Козелла, а также при гостинице «Москва», принадлежавшей чиновнику Лагунову [7, С. 265–266].

Благодаря плотности размещения в городах ссыльные имели больше возможностей для контактов. В г. Тара Омской губернии жили и взаимодействовали между собой несколько больших шляхетских семей из Минской губернии, высланные на поселение без лишения прав состояния. Среди них были Бобровские, Булгаки, Витковские, Аколовы, Раткевичи, Шпаковские, Цехановичи, Татуры, Кржечковские, Константиновичи, Касперовичи [8, С. 144].

Однако данная модель не получила повсеместного распространения. Так, администрация Якутской области при расселении

ссылных старательно разобщиала их, направляя в каждый наслег (низовая административно-территориальная единица) только по одному человеку [9, С. 11]. На огромной площади наслег, нередко растянувшегося на 100–200 и более верст во все стороны, ссыльный попадал в незнакомую среду обитания, непонятного ему языка, чуждого быта: «нас расселили по такому громадному пространству, что иногда по целым годам не было сведений о товарищах... Здесь впервые каждый самостоятельно выступал на борьбу за существование... Кругом незнакомые... Многие с трудом объяснялись по-русски...» [10, С. 93].

Города Якутской области при немногочисленном населении были более чем достаточно укомплектованы ремесленниками разных специальностей. Поэтому основным видом деятельности для ссыльных стало сельское хозяйство. И те из ссыльных, преимущественно семейные, которые имели практические навыки занятия земледелием, брались за хлебопашество в том или ином наслеге, в некоторой степени способствуя внедрению земледельческой культуры в этом северном крае и достигая успехов, подавали пример коренным жителям-животноводам [9, С. 16].

Влиться в социальную среду Сибири было сложнее сосланным для водворения на казенных землях. Официально правительство не преследовало цели сельской колонизации. Тем не менее такие условия, которые предусматривались для ссыльных осужденных на водворение, как наказание без срока, обязательное проживание в сельской местности, причисление к сословию государственных крестьян, свидетельствуют о политике, направленной на интеграцию с принимающим их обществом. С учетом условий местные власти руководствовались следующими принципами при выборе поселения: наличие свободных земель для занятия земледелием, присутствие определенного количества старожилов (число ссыльных не должно было превышать 10 % от местного населения), удаленность населенных пунктов от сибирского тракта и наличие полицейских и жандармских органов.

Размещение ссыльных на водворение в Сибири было неравномерным, отсюда проявление и использование разных форм социальной адаптации. В одном случае ссыльные, определенные на водворение в сибирские деревни от одного до четырех человек, не имели широкого и устойчивого круга общения среди «своих» и были интегрированы в общество крестьян-старожилов. Но даже

поселенные в разных деревнях, отдаленные на десятки верст, ссыльные старались держаться вместе – выступали поручителями друг друга при заключении браков, становились крестными детей, рожденных в ссылке и крещенных по православному обряду.

В другом случае обращает на себя внимание проявление тенденции жить в обществе «своей культуры». Ссыльные уроженцы белорусско-литовских губерний стремились образовать собственные компактные поселения, стараясь селиться замкнутыми общинами. Так, доверенный от ссыльных из д. Старый Тартас Усть-Тартасской волости И. Новицкий ходатайствовал об отводе «пустопорожного места для заселения». Более 17-ти семей пользовались земельными угодьями наравне со старожилами, однако выбрали место для образования отдельного поселка около озера Катенар. Жители села не соглашались уступить этот участок, что и стало причиной отказа им со стороны властей [11].

Совместные и раздельные поселения ссыльных из Королевства Польского и белорусско-литовских губерний были образованы в пределах Тарского и Тюкалинского округов Тобольской губернии. В Седельниковой волости Тарского округа ссыльные совместно заселили деревни Вознесенку, Богдановку и Гриневицы. Поселок Уразайский заселялся в 80-е гг. XIX в. ссыльными участниками восстания 1863–1864 гг. Основателями поселка являлись семьи Бабицких, Гавелко, Константиновичей, Скуратовичей и Юшкевичей [12, С. 8–9]. Ряд ссыльных семей являлись представителями шляхты из различных населенных пунктов Борисовского и Игуменского уездов Минской губернии. В частности, потомственными представителями шляхетского сословия являлись члены трех семей Скуратовичей, семей Антона Бабицкого, Адольфа Константиновича и Михаила Юшкевича. Из крестьян были представители фамилии Гавелко. В начале XX в. В.А. Скуратович от имени всех жителей пос. Уразайского подал ходатайство в г. Санкт-Петербург с просьбой переименовать поселение в Минско-Дворянское. Прошение было удовлетворено. В переименовании поселка прослеживается желание закрепить как социальную, так и территориальную принадлежность, сделать ее признанной [12, С. 8–9].

Отношения со старожилами у ссыльных в сибирских селах не всегда складывались лучшим образом. Местные жители несли на себе финансовое бремя ссылки, выполняли ряд функций по обеспечению надзора, что создавало атмосферу недоверия в отноше-

ниях между ссыльными и местным населением. В процесс сближения сторон осложнения вносил и земельный вопрос, так как ссыльным разрешалось иметь надел земли и угодья на общих основаниях. В рапорте генерал-губернатору Западной Сибири коллежский советник М. Попов по итогам проверки Омского округа докладывал: «... не было конца жалобам старожилов-крестьян на переселенцев и обратно... в особенности относительно земель и лесов» [13, С. 188]. Старожилы жаловались, что ссыльные требуют распаханной земли и как можно ближе к деревням. В свою очередь водворенные повстанцы говорили, что местные жители дают им «места, поросшие мелким березняком и осинником, сибирские общества приняли за обычай... не выделять готовых земель, новый пришелец должен занимать новый участок, таково старожиловое правило, с которым в Сибири нет... возможности спорить» [14, С. 93]. Лишь спустя три года такая земля давала урожай, все это время государственная казна обеспечивала ссыльным «хлебное» содержание.

Власти Сибири обратили внимание на ряд категорий ссыльных, признанных неспособными к самостоятельному устройству быта. К ним были отнесены пожилые люди, подростки и женщины. Эти категории определялись на содержание в семье других ссыльных или местных жителей. Размер пособия для семьи, принимавшей на проживание кого-то из этой группы ссыльных, составлял на взрослого 10 рублей, на ребенка до 10 лет 5 рублей в год, с правом заниматься посильными работами. Из сельских магазинов им выдавались зерновые «для производства хлеба и для посевных работ» [14, С. 94].

Легче было наладить быт и вести хозяйство тем ссыльным, которые прибывали в Сибирь вместе со своими семьями. Обращает на себя внимание тот факт, что доля семейных ссыльных, взявших пособие для «домообзаведения», выше, чем среди холостых [15, С. 160]. Так, в Томской губернии часто «новоселам» представляли самые выгодные условия для покупки домов и всей хозяйственной утвари: «Дешевизна товаров чувствовалась по количеству совершавшихся покупок и продаж между старожилами и переселенцами» [11]. Материалы ревизии 1877 г. показывают, что среди ссыльных немало тех, кто владел хорошим хозяйством, а налоги с них взыскивались нерегулярно и поверхностно. В документах волосных правлений сохранились списки переселенцев, которым выдавалось ко всему прочему пособие на «домообзаведение» [11]. Так, по конфирмации ко-

мандующего войсками Виленского военного округа крестьянин д. Быстрой Рогатской волости Брестского уезда Гродненской губернии И. Ефимович был выслан в Сибирь с семьей для водворения на казенных землях. В 1865 г. он прибыл в д. Чередову Аевской волости Тарского округа Тобольской губернии и получил 55 рублей на домообзаведение [16, С. 33]. Размер пособия был таким же, как и для местных государственных крестьян. Складывался он из следующих выплат: 20 рублей предназначалось на покупку земледельческих орудий, 35 рублей на постройку дома. При этом комиссия по водворению ссыльных в Томской губернии, которую возглавлял барон Фелькерзам, еще в 1864 г. пришла к выводу, что пособия являются недостаточными для ссыльных, так как по большей части эти люди не имеют при себе никаких предметов быта, хозяйственных принадлежностей и должны обзаводиться всем этим на месте. С учетом сложившейся ситуации комиссия предлагала для переселенцев, водворенных в сибирские округа, увеличить пособие до 85 рублей [8, С. 62, 109].

Многие ссыльные не брали пособия на «домообзаведение», считая, что приобретение хозяйства прикрепит их к земле и навсегда лишит возможности возвратиться на родину. По сведениям на 1868–1870 гг. из шести семей, высланных из Гродненской губернии, только Я. Багинский, сосланный с женой и четырьмя детьми в Боготольскую волость Мариинского округа Томской губернии, взял помощь на ведение хозяйства. Вдова Е. Яворовская с детьми, высланная в Николаевскую волость Томской округа, занималась крестьянской работой по найму, так как помощь на хозяйство не получала. Остальные четыре семьи жили в месте назначения, помощи на хозяйство не брали и крестьянской работой не занимались. До 1869 г. большая часть названных жителей получила от казны помощь в размере 10 рублей [13, С. 189]. Распространенный характер получает такое явление, как перемещение ссыльных по территории губернии, округа без согласия властей. Так, ссыльные могли быть приписаны к одной волости, а проживали в другой. Например, официальное место жительства поселенца было в сельской местности, а фактически таковой проживал в городе. Высланные из Гродненской губернии Матеуш и Юстина Яворовские с детьми были приписаны к Николаевской волости Томского округа. В действительности до 1869 г. они жили в г. Томске и работали лакеями [17, С. 120]. Переселения, как правило, были связаны с поиском

работы, с профессиональной деятельностью, реже с желанием ссыльного соединиться с родственниками.

Для многих ссыльных в Сибири главным и порой одним лишь источником дохода являлись ежемесячные пособия, предоставляемые правительством. Пособия ссыльным участникам восстания 1863–1864 гг. стали выплачивать с марта 1864 г., но правила, определяющие порядок их выдачи, нормативно были урегулированы распоряжением Министерства внутренних дел от 16 февраля 1865 г. [18, С. 37]. По прибытию к месту назначения ссыльные писали на имя местного губернатора прошения о назначении им «вспомоществования от казны». Последний со своей стороны после установления имущественного состояния и иных источников дохода, способных обеспечить средствами к существованию ссыльного повстанца, обращался в Министерство финансов [19, С. 78]. В первые годы после восстания 1863–1864 гг. эти просьбы удовлетворялись. После чего соответствующему уездному казначейству направлялось распоряжение о выделении средств на выплату пособий. При этом лицам привилегированных сословий полагалось 6 рублей в месяц, всем иным – 1 рубль 50 копеек. Помимо права получать денежное пособие, ссыльные могли пользоваться ссудой с разрешения губернатора. Она выдавалась «отдельным лицам, желающим заняться самостоятельно каким-либо ремеслом или производством». Размер ссуды составлял 55 рублей [20, С. 16].

На пособие могли рассчитывать также жена и дети ссыльного. Согласно положению Комитета Министров от 20 января 1867 г. добровольно последовавшим членам семьи назначалась следующая сумма: женам – 3 рубля, детям до 14 лет – 1 рубль 10 копеек [19, С. 79]. Но последнее не относилось к семьям лиц, лишенных прав состояния. Это была небольшая сумма, которой не хватало на удовлетворение даже самых элементарных потребностей.

Установленная сумма пособия не всегда отвечала действительности. В некоторых случаях пособие не назначалось или его выдача прекращалась. Так, на основании распоряжения администрации священникам, сосланным в д. Тунку Иркутской губернии и получавшим денежные переводы от родственников, деньги на содержание не выплачивались [21, С. 143]. Право отклонить назначение пособия при наличии иных источников дохода давало местным органам власти возможность для манипуляций. Примером может

служить ситуация, связанная с получением пособий сосланных в г. Кунгур Пермской губернии семей Прендовских и г. Имшеника. Если первым, прибывшим в Пермь с рекомендательным письмом к губернатору, было выплачено пособие даже на детей, которые не последовали в ссылку, то вторые «в течение 4-х лет вели борьбу за получение им положенного, проедавая одежду, кухонные принадлежности и другие необходимые вещи». В семье было 6 детей, больная жена и мать. Последней даже после признания несправедливой задержки выплат, так ничего и не вернули по причине смерти.

Очевидно, что система выделения ссыльным пособия не была четко разработана и тем самым создавала проблемы как для ссыльных, так и для органов местной власти. В этих условиях результативность управления вопросом наделения некоторых категорий ссыльных пособием оставалась низкой, периодические выплаты незначительных сумм не способствовали интеграции ссыльных в социально-экономическую жизнь Сибири. Со временем число ссыльных, получающих пособие, уменьшилось, но это, как правило, не было результатом изменения их материального положения. Скорее это было связано с тем, что к концу 60-х гг. XIX в. усложнился процесс назначения пособий, и ссыльным необходимо было доказывать отсутствие средств к существованию и невозможность найти занятия [22, С. 164].

Процедура назначения пособия отличалась для сибирских ссыльных, приговоренных к водворению. В октябре 1865 г. в Комитет Министров была внесена записка «О выдаче пособий отправляемым в Сибирь на водворение польским переселенцам», в которой указывалось, что водворение переселенцев необходимо производить на основании правил, установленных для государственных крестьян, переселявшихся из малоземельных в многоземельные губернии с предоставлением им тех же льгот и пособий. Основные положения документа в конце 1865 – начале 1866 г. были согласованы с МВД и уже 22 февраля 1866 г. Комитет Министров придал ей силу закона. Таким образом, ссыльные имели возможность получить денежное довольствие уже на этапе и в местах проживания в Сибири [23, С. 90].

Сохранились свидетельства о том, что среди ссыльных были и те, кто обладал большими денежными средствами и не испытывал материальных затруднений. Семья бывшего минского предводителя дворянства Лаппо, сосланная в Пермь, «жила в достатке,

привезли с собой повара, имели большой дом и вели приемы каждую неделю». Не уступала им семья минского шляхтича П. Сви́до, состоявшая из самого ссыльного, супруги и сына 12 лет. Они имели «обширную квартиру и любили принимать гостей прилично и богато... Она прекрасно готовила и в особых случаях даже угощала нас кремом... Большой, со множеством окон, салон собирал многочисленное общество...» [24, С. 89–90].

В то же время другие ссыльные практически не имели никаких средств для существования. С просьбой о материальной помощи они обращались к властям, церкви, друзьям. Показателем относительно тяжелого положения ссыльных является следующий факт. Шляхтич Гродненской губернии Ян Верпаховский подавал прошение о назначении пособия жене, приехавшей к нему в 1868 г. «из-за неимения средств к жизни в Западном крае». Почти через год он вновь просил выделить пособие жене, так как «не токмо жену, себя не могу содержать» [19, С. 82, 128].

Временные пособия, выдаваемые правительством, были «столь ничтожны, что не достигали никакой цели. И ссыльные... принуждены делать складчины не только добровольные, но и обязательные, т.е. для богатых взносы имели значение подати» [14, С. 84]. Данные обстоятельства становятся причиной создания касс взаимопомощи, образовавшихся из взносов ссыльных и денег, присылаемых родственниками из белорусско-литовских губерний. Собранные суммы иногда доходили до нескольких тысяч рублей. Вместе с тем непосредственно в Сибири находились те, кто был обеспокоен судьбой осужденных в ссылку. В 60-е г. XIX в. в Тобольске сложилась организация «Женское общество помощи арестантам», которая занималась сбором пожертвований в пользу ссыльных участников восстания 1863–1864 гг. [25, С. 35].

Таким образом, за рассмотренный нами период система наделения ссыльных пособием не была окончательно разработана. Она продолжала создавать проблемы как для ссыльных, так и для местных властей. Несмотря на значительные расходы казны на пособия, они не способствовали ни удовлетворению материальных потребностей ссыльных, ни включению в социальную жизнь Сибири. С течением времени количество ссыльных, получающих пособие, снижалось, но это, как правило, не было следствием налаживания их материального положения.

Взаимоотношения между ссыльными и местной администрацией складывались по-

разному. Характер этих отношений зависел прежде всего от двух факторов: от личности местного начальника, его настроя к повстанцам и поведения самих ссыльных. Если в одном случае начальство ссыльным явно благоволило, в другом их опасалось. Важную роль в характере установившихся отношений между ссыльными и местными чиновниками играли и сами ссыльные. Уроженец Минской губернии О. Еленский вспоминал: «Я провел среди русского народа, безвыездно, в самых его центрах, с лишком пятьдесят лет, я не забыл ни своего языка, ни веры, ни своих обычаев, сохранил привязанность к моей родине и в этом направлении воспитал своих детей. Ни мое польское происхождение, которого я никогда не скрывал, ни моя религия, ни мои взгляды... не мешали мне в моих отношениях к русскому обществу...» [26, С. 57].

Таким образом, степень эффективности политики властей в деле реализации условий жизнеобеспечения была низкой. Прежде всего ввиду слабой подготовки сибирской администрации к приему обширного потока ссыльных, отсутствия четких правил, определявших их положение в местах пребывания. Отрицательно сказывалась на качестве организации ссылки несогласованность в действиях центральных и местных органов власти. В этой связи последние самостоятельно разрабатывали отдельные направления организации системы жизнеобеспечения ссыльных. В деле налаживания жизни и быта повстанцев действовал ряд постановлений, которые ограничивали территориальные возможности расселения, создавали противоречия в вопросах обеспечения пособием и предоставления земельных наделов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казарян П.Л. Якутская политическая ссылка: Историко-юридическое исследование: учеб. пособие. – Якутск : ЯГУ, 1999. – 186 с.
2. Ремнев А.В. Комитет министров и высшие территориальные комитеты в 60-80-х гг. XIX в. (Российский вариант организации регионального управления) // Общественное движение и культурная жизнь Сибири (XVIII – XX вв.): сб. науч. ст. Омск. гос. ун-та / Отв. ред. Э.Ш. Хазиахметов. – Омск, 1996. – С. 55–66.
3. Береговая Е.П. Польская политическая ссылка в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дисс. канд. ист. наук : 07.00.02; Красноярский. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2007. – 23 с.
4. Шумилов М.М. Губернская администрация и органы центрального управления России во второй половине XIX в.: учеб. пособие. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1988. – 87 с.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ССЫЛЬНЫХ
УРОЖЕНЦЕВ БЕЛАРУСИ В СИБИРИ (1863–1883 ГГ.)

5. Ремнев А.В. Польская ссылка и западно-сибирская администрация (1863–1868 гг.) // Общественное движение и культурная жизнь Сибири (XVIII – XX вв.) : сб. науч. ст. Ом. гос. ун-та / Отв. ред. Э.Ш. Хазиахметов. – Омск, 1996. – С. 29–43.
6. Caban W. Dom syberyjski polskich zesłańców politycznych w XIX wieku (Lata 40–70) / W. Caban // Польская интеллигенция в Сибири XIX–XX вв.: сб. ст. / Красноярский культурно-ист. музейный комплекс; ред.-сост. С.В. Леончик. – Красноярск, 2007. – С. 75–88.
7. Перминова С.А. Восстание 1863 г. и особенности взаимоотношений ссыльных поляков с населением г. Омска // Polacy a Rosjanie : materiały z konf., Warszawa – Płock, 17–18 maja 1998 / Instytut Historii PAN ; pod red. T. Epszteina. – Warszawa, 2000. – S. 263–269.
8. Мулина С.А. Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников восстания 1863 г. в Западной Сибири / А.С. Мулина. – СПб. : Алетейя, 2012. – 200 с.
9. Кротов М.А. Участники польского освободительного восстания 1863–1864 гг. в Якутской ссылке // Поляки в Якутии : материалы науч.-практ. конф., Якутск, 19 сентября 1997 г. / Под ред. Д.А. Ширина. – Якутск, 1998. – С. 7–22.
10. Кон Ф.Я. На поселении в Якутской области // Каторга и ссылка: историко-революционный вестник. – М., 1928. – № 12(49). – С. 93–101.
11. Майнычева А.Ю. Польские переселенцы в Томской губернии (середина XIX в.) [Электронный ресурс] // Сибирская Заимка. – 1998–1999. – Режим доступа: http://zaimka.ru/to_sun/maynich3.shtml.
12. Крых Г.А. Гісторыя пасялення Мінск-Дваранскае: засцянкавая шляхта з Беларусі ў сібiрскім Прыіртышышы // Беларускі гістарычны часопіс. – 2012. – № 3. – С. 4–17.
13. Перминова С.А. К вопросу о положении польских ссыльных в Западной Сибири в 1863–1865 гг. // Польская ссылка в России XIX–XX веков: региональные центры = Polscy zesłańcy w Rosji XIX–XX stuleciu: ośrodki regionalne : сб. ст. / Отв. ред. Р.М. Валеев. – Казань : Мастер Лайн, 1998. – С. 185–190.
14. Максимов С.В. Сибирь и каторга. – СПб. : Тип. Траншея, 1871. – 388 с.
15. Перминова С.А. Взаимоотношения польских ссыльных с жителями Сибири (по материалам переписки М.О. Жаба) // Polska a Syberia. Spotkanie dwóch światów : materiały z konf. nauk., Łódź, 1–2 marca 2001 / Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego; red. M. Blomberg [przew.]. – Łódź, 2001. – S. 155–165.
16. Сулимов В.С. Прощение польских ссыльных Тарского округа великому князю Владимиру в 1868 году // Поляки в социокультурном пространстве сибирской деревни: материалы междунар. науч.-практ. конф., Омск–Тара, 8–12 августа 2009 г. / Отв. ред. С.А. Мулина. – Омск, 2012. – С. 31–34.
17. Перминова С.А. Политика западносибирской администрации по обустройству быта польских переселенцев участников восстания 1863 г. // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы: сб. материалов междунар. науч. конф., Иркутск, 17–19 сентября 2001 г. / редкол.: Б. С. Шостакович. – Иркутск, 2001. – С. 119–122.
18. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1865 и 1866 годы / собр. и изд. с разрешения министра внутренних дел Д. Чудовского. – СПб., 1873. – 598 с.
19. Павлов В.А. Губернские и уездные органы власти и политическая ссылка в Российской империи (на материалах ссылки в Казанскую губернию участников польского восстания 1863–1864 гг.). – Чебоксары: Новое время, 2006. – 254 с.
20. Кротов М.А. Участники польского освободительного восстания 1863–1864 гг. в Якутской ссылке // Поляки в Якутии : материалы науч.-практ. конф., Якутск, 19 сентября 1997 г. / Под ред. Д.А. Ширина. – Якутск, 1998. – С. 7–22.
21. Зюлек Я. Римско-католические священники, сосланные в Сибирь после Январского восстания // Сибирь в истории и культуре польского народа : сб. ст. / редкол.: П. С. Романов, А. Кучинский. – М., 2002. – С. 135–145.
22. Никулина И.Н. Некоторые вопросы истории политической ссылки на Алтай в XIX в. // Актуальные вопросы истории Сибири: науч. чтения памяти профессора А.П. Бородавкина : материалы науч. конф., Барнаул, 20 мая 1997 г. / Сост.: Ю.Ф. Кирюшин, В.А. Скубневский. – Барнаул, 1998. – С. 163–166.
23. Шайдуров В.Н. О некоторых особенностях формирования и экономического развития польской общины Западной Сибири XIX – начала XX в. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – № 2(21). – С. 90–94.
24. Вуйчик З. Исследования Байкала польскими учеными в XIX веке // Сибирь в истории и культуре польского народа: сб. ст. / Редкол.: П.С. Романов, А. Кучинский. – М., 2002. – С. 168–178.
25. Jędrychowska B. Polscy zesłańcy na Syberii (1830–1883). Działalność pedagogiczna, oświatowa i kulturalna. – Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2000. – 240 s.
26. Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). – М.: Индик, 1999. – 272 с.

Серая Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры филологии и политологии

Белорусский государственный медицинский университет, г. Минск, Республика Беларусь